

УДК 821.161.1

**АНТИУТОПИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В РАССКАЗЕ С. Д. ХВОЩИНСКОЙ
«НАСЛЕДСТВО ТЕТУШКИ»****Черкасов Валерий Анатольевич,**

Доктор филологических наук, Заведующий кафедрой теории, педагогики и методики начального образования и изобразительного искусства, Белгородский государственный национальный исследовательский университет

E-mail: cherkasov.valeri@mail.ru

Адрес: 308019 г. Белгород, ул. Ясенева, д.82

Контактные телефоны: 89205722636

Кирилл В. Смирнов,

Кандидат филологических наук, Учитель русского языка и литературы, Муниципальное общеобразовательное учреждение «Средняя общеобразовательная школа №7»

E-mail: kirill_smirnov_1989@list.ru

Адрес: 160000 г. Вологда, ул. Зосимовская, 52 – 35.

Контактные телефоны: 89005404789

Аннотация

В данной статье впервые в литературоведении анализируется рассказ С.Д. Хвощинской «Наследство тетушки», одной из самых неизученных русских писательниц XIX века. Подробно проанализирована повседневная жизнь пансиона, в который приходит герой в поисках информации о своей покойной тетушке. Доказано, что пансион, являясь воплощением антиутопии с красивым обрамлением и ужасным содержанием, духовно уничтожает всех обитателей в лице классных дам и их воспитанниц, навязывая жизнь в системе в ущерб личностной. Подтверждающими это образами-символами выступают образ зеркала и образ портрета. Данная статья может быть интересна всем, кто интересуется творчеством С.Д. Хвощинской и женской прозой «золотого века» русской литературы.

Ключевые слова: антиутопия, пансион, классная дама, зеркало, портрет, одиночество, система, безвыходность.

DYSTOPIA MOTIVES IN THE STORY OF S. D. KHVOSHCHINSKY
"INHERITANCE OF THE AUNT"

Valerij A. Cherkasov,

Doctor of philology, Head of the Department of Theory, pedagogy and methods of primary education and fine arts, Belgorod State national research university

E-mail: cherkasov.valeri@mail.ru

Address: 308019 Belgorod, st. Yasenevaya, 82

Contact number: 89205722636

Kirill V. Smirnov,

Candidate of Philology, Teacher of Russian language and literature, Municipal educational institution «Secondary school №7»

E-mail: kirill_smirnov_1989@list.ru

Address: 160000 city Vologda, Zosimovskaya street, 52 – 35.

Contact number: 89005404789

ABSTRACT

In this article for the first time in literary criticism the story of S. D. Khvoshchinsky "Inheritance of the aunt", one of the most unexplored Russian writers of the XIX century is analyzed. Analyzed in detail the daily life of the pension, which comes to the hero in search of information about his late aunt. It is proved that the Board, as the epitome of dystopia with a beautiful setting and horrible content, spiritually destroys all the inhabitants in the face of cool ladies and their pupils, forcing the life in the system to the detriment of the personal. Confirming this image-symbols are the image of the mirror and the image of the portrait. This article may be of interest to all who are interested in the work of SD Khvoshchinsky and women's prose "Golden age" of Russian literature.

Keywords: dystopia, board, classy lady, mirror, portrait, loneliness, the system, the hopelessness.

Жанр утопии в середине «золотого века» русской литературы не был слишком популярен и значительно уступал классическим канонам реализма Натуральной школы и традициям Школы чистого искусства. Лишь в некоторых произведениях утопия наличествует фрагментарно, но едва ли ее контекстуальная роль может претендовать на статус основополагающей. Примером тому может служить «Сон Обломова», глава романа «Обломов» И.А. Гончарова. В зарубежной литературе утопии представлены в творчестве Т. Мора, Т. Кампанеллы и т. д. Жанр антиутопии громко заявляет о себе уже в XX веке романами Е. Замятина «Мы», Д. Оруэлла «1984» и т. д. Однако у антиутопии оказались более глубокие корни, обнаруживающие себя и в середине века XIX. Примером тому может стать творчество С. Д. Хвоцинской, одной из самых недооцененных писательниц своего

времени. Актуальность работы состоит в том, что до сих пор творчество писательницы практически не изучено, отчего методами исследования могут быть названы структурный и сравнительно-сопоставительный. Основная цель – возрождение имени С. Д. Хвоцинской и ее творчества как важного звена русской литературы XIX века. О жанре антиутопии, специфике художественного воплощения антиутопичности в рассказе «Наследство тетушки» и пойдет речь в настоящей статье, статье, список литературы к которой практически отсутствует ввиду слабой изученности творчества писательницы.

Сюжет рассказа достаточно прост и незамысловат. Главный герой, от лица которого ведется повествование, получает наследство от тетушки, состоявшей в одном из пансионов классной дамой. Ее скудное имущество состояло из личных бумаг, десятка учебников и двух тысяч. Но, как известно, брать вещи незнакомого человека, пусть даже исполняя его волю, достаточно совестно: «Признаюсь, меня беспокоила, быть может, и щепетильная совестливость: мне казалось как-то дурно без всякого сердечного участия равнодушно разбирать и употреблять предметы, среди которых прошла жизнь человека, в которых непременно есть часть этой жизни, предметы, быть может, даже очень дорогие для какого-нибудь чужого лица, но не для меня, конечно» [2:167]. И тогда главный герой отправляется в пансион, где прошла вся жизнь его тетушки, как выяснилось, Агриппины Павловны Светлицкой, чтобы раздобыть хоть какую-то информацию о ней. От классной дамы Аделаиды Ивановны Штейн и своей кузины Марии герою удается узнать, что тетушка провела всю жизнь в пансионе и никогда не имела ни семьи, ни детей, ни мужа. Ее почитали как идеальную воспитательницу, уважающую устав выше своих личных потребностей и считающую системность и порядок гарантиями справедливости. Отсутствие человечности по отношению к своим подопечным, строгость, жесткие требования во всех аспектах жизни пансиона, строгость, порой граничащая с грубостью – именно это становится тем наследством, которое оставила Агриппина Павловна в памяти потомков о себе. «Ее судьба – моральное убийство» [2:186], – сказала о ней Мария. В этом высказывании, которым заканчивается рассказ, кроется основная идея – идея одиночества, продиктованного особым миром, в котором жила Агриппина Павловна. Хвоцинская акцентирует внимание именно на этом элементе, изображая две противоположные художественные реальности. Первая – та, в которой герой существует до и после посещения пансиона; вторая – пансион. Даже графически это выражено отступом частей рассказа одной от другой. И вот этот второй мир – мир пансиона – является антиутопическим.

Антиутопия – «пародия на жанр утопии либо на утопическую идею; подобно сатире, может придавать своеобразие самым различным жанрам: роману, поэме, пьесе, рассказу. Если утописты предлагали человечеству рецепт спасения от всех социальных и нравственных бед, то антиутописты, как правило, предлагают читателю разобраться, как расплачивается простой обыватель за всеобщее счастье» [1:38]. В контексте антиутопии описывает Хвоцинская повседневную жизнь пансиона. С первого взгляда все выглядит исключительным: на пороге стоит швейцар, преграждающий путь посторонним. Воспитанницы аккуратно одеты и соблюдают все нормы этикета в соответствии с уставом. Но стоит герою всмотреться в сам процесс, как обнаруживается его «двигатель»: обволакивающая все и вся скованность в действиях воспитанниц. «Знаю, что меня закричат (вероятно, на меня, – опечатка в тексте оригинала – В.Ч., К.С.), засудят умные, сведущие люди, постигающие благие правила частных пансионов, но я все-таки смиренно и откровенно выдаю им мое невежество и жду, чтобы меня вразумили. Так, например, этот

цветущий рассадник молодых девиц, будущее украшение семейств, со своими невинными занятиями в рекреационной зале, показался мне стадом испуганных коз, и я не мог себя настроить на более грациозное сравнение. В кружках, собравшихся у окон, не раздавалось свободного юного смеха, а было какое-то принужденное шептание; в парах, бродивших с книжками, слышалось однообразное, скучное жужжание, повторение надоевшего урока; кое-где меньшие девочки скакали через веревочку, точно по заказу; между другими шла какая-то игра: десять воспитанниц выступали с пепиньеркой против такого же отряда, с таким же предводительством»; «общий вид рекреации производил совсем несимпатичное впечатление, от всего веяло монотонией, формой...» [2:170]. Наблюдая за вялым движением среди воспитанниц, герой замечает несколько девочек, не принимающих участия в общем «веселье». Вероятнее всего, они были за что-то наказаны. Герой заключает: «Но в какой мере была полезна и необходима для назидания такая выставка в костюме, особом от прочих – этого вопроса я разрешить не мог» [2:170]. Неестественность и сдавленность системностью становится отличительной особенностью пансиона для героя. Общее представление дополняет комната Аделаиды Ивановны. Центральным образом выступают небольшое зеркало и портрет содержательницы пансиона. Зеркало имеет ярко выраженное символическое значение. «Во времена средневековья оно было отражением божественного слова и средством его толкования»; «совершенные творения – это зеркала, направленные к Свету, а само зеркало – отражение внутренней жизни» [2:138]. Зеркало выступает как отражение жизни его владелицы Аделаиды Ивановны. Но жизнь ее скудна: в ней нет ничего, что может принести счастье. Фактически, жизнь Аделаиды Ивановны является «проекцией» жизни Агриппины Павловны, практически детально дублируя ее. И маленькое зеркало неспроста маленькое – оно будто бы указывает на незначительность и мелочность той жизни, которую ведет Аделаида Ивановна. Портрет настоятельницы пансиона дополняет общий угнетающий интерьер комнаты: постоянное присутствие начальства, пусть и не телесно выраженное, формирует определенный психологический страх и дополнительно мотивирует на систематическое выполнение всех указаний.

Герой попытался найти выход из сложившейся ситуации: опровергнуть свои догадки относительно повседневности «обитателей» пансиона. Он спрашивает у Аделаиды Ивановны: «Неужели тетушка не имела друга, близкой особы, словом, кого-нибудь дорогого, кому бы по смерти могла отдать все это?» Ответ собеседницы лишает героя надежды: «Ваша родственница понимала свои обязанности» [2:176]. По существу, этой фразой Аделаида Ивановна подтверждает невозможность что-либо изменить в настоящем положении дел. Единственным светлым позывом становятся более напоминающие мольбу слова, обращенные к герою: «Так мы еще будем видеться – не правда ли?» [2:177]. Классная дама в свои сорок лет еще мечтает вырваться из мира, подарившего ей настоящее, но забравшего все остальное. И не случайно сравнение героя, которое он будто бы невзначай допускает, вспоминая эту сцену: «На вопрос, предложенный в интимной форме и самым любезным тоном, я отвечал самым изящным поклоном, который вдруг взялся у меня от воспоминания ста тысячи пансионских реверансов, виденных в этот вечер» [2:177]. Даже постороннего человека за какие-то часы пансион сумел изменить, пусть и незначительно. Так что же тогда говорить о тех, кто там живет...

И Агриппина Павловна, и Аделаида Ивановна оказываются в разной степени пленницами пансиона: он подавляет их волю, делая продуктами системы, деталями бесперебойно функционирующего механизма. Устав становится чем-то вроде инструкции

к выполнению, отклонение от которой немислимо. Индивидуальное начало практически официально признано недопустимым: все должны быть одинаковыми и жить одинаково. Покойная тетушка оказалась неспособна превзойти систему, и поэтому была поглощена ей. Теперь ее воспринимают как идеал классной дамы. Аделаида Ивановна же, напротив, пытается сопротивляться. Но у нее нет сил, чтобы одной выстоять против подавляющего ее волю пансиона. К сожалению, Аделаида Ивановна практически не способна измениться. И пусть разум ее еще пытается сопротивляться принуждениям, ее душа уже всецело поглощена системой. Иллюстрацией этого может выступить сцена с воспитанницей Катей Барышевой. Герой узнал в девочке дочь своего соседа и попытался приласкать. Его порыв был встречен Аделаидой Ивановной с негодованием, и лишь ее культура и правила этикета не позволили повесить на гостя голос. В этом состоит сама суть пансиона: он не просто поглотил классных дам, он поглотил и их воспитанниц, делая из девушек «рабынь» системы, убивая в них лучшие человеческие качества – любовь, дружбу, уважение, внушая иную систему ценностей – преклонение перед системой.

В своем рассказе Хвоцинская попыталась изобразить мир, построенный на соблюдении порядка и преклонении перед системой поведения. Кажущийся на первый взгляд идеальным, пансион подавляет личность, заставляя ее следовать общим правилам в ущерб индивидуальному началу. Жертвой стала Агриппина Павловна. Посвятив себя жизни в пансионе, она утратила свое личностное начало и осталась одна. Одиночества страшится и Аделаида Ивановна. Пытаясь вырваться из плена пансиона, она медленно погружается в рутину повседневности и становится с каждым днем все более похожей на свою предшественницу.

Главная трагедия рассказа «Наследство тетушки» состоит в следующем: Агриппина Павловна оставила после себя не мелочные предметы в виде писем, скромной суммы денег и нескольких книг, а несколько поколений девушек, похожих на нее. И в этом ее страшное наследство. Таким образом, С.Д. Хвоцинская выступает в своем рассказе как яркий обличитель существующей системы женского образования в России предреформенной эпохи. Ее творчество во многом способствовало прогрессу в этой области общественного развития, и потому заслуживает самого пристального внимания со стороны современного читателя.

Список литературы.

1. Литературная энциклопедия терминов и понятий. / Под ред. А. Н. Николюкина. – М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН. – М., 2001. – 1600 с.
2. Хвоцинская С. Д. Наследство тетушки // Отечественные записки. – 1858. – № 117. – С.165-186.

References.

1. Literary encyclopedia of terms and concepts. / Ed. A. N. Nikolyukin. – M.: Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. – M., 2001. – 1600 s.
2. Khvoshchinskaya S. D. Inheritance of the aunt // Notes of the Fatherland. – 1858. – № 117. – Pp. 165-186.